

Часть III

СОЗДАНИЕ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Революционным переворотом в истории экономической мысли явилось создание К. Марксом и Ф. Энгельсом политической экономии рабочего класса. В наше время, когда опубликовано рукописное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, стали конкретнее видны основные этапы того большого пути, который прошли, создавая новое учение, основоположники марксизма. Изучение истории развития их взглядов имеет большое методологическое, теоретическое и практико-политическое значение в условиях экономического, социального и политического обновления реального социализма, укрепления влияния марксизма-ленинизма в современном мире. Дело в том, что «чрезвычайно широкие слои тех классов, — писал В. И. Ленин, — которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм... крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов» \ Изучению основных этапов развития экономических взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса и посвящена эта часть тома.

Формирование марксистской политической экономии было подготовлено всем предшествовавшим развитием. Завершение промышленного переворота в Англии означало создание адекватной материально-технической базы капитализма, принципиально нового уровня капиталистического обобществления труда и производства. В ходе замены мануфактурного производства фабричным происходят глубокие изменения в содержании и характере труда. Виртуозное мастерство ремесленников вытесняется однообразным механическим трудом. Рабочая сила становится товаром, а сам рабочий — живым придатком машины. Стремительными темпами растет урбанизация населения. Товарно-денежные отношения приобретают всеобщий характер. На смену личной зависимости приходит вещная. Наемные рабочие все острее осознают свое отчуждение от того, что создано с помощью их рук и противостоит им в качестве капитала. Основное противоречие капитализма между общественным характером процесса производства и частнокапиталистической формой присвоения развивается в целую систему противоречий, пронизывающих все буржуазное общество. Периодически повторяющиеся экономические кризисы перепроизводства становятся ярким проявлением исторической ограниченности капитализма.

Капитализм не только готовит объективные предпосылки для своего самоотрицания, но и создает рабочий класс, призванный самим ходом исторического развития осуществить революционное преобразование общества. 30—40-е годы XIX в. знаменуют начало классовой борьбы пролетариата (чартистское движение, выступления рабочего класса в Лионе и Париже, восстание силезских ткачей и др.). Экономические кризисы перепроизводства, обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией все настойчивее ставят вопрос об исторических судьбах капитализма. Феодалный, мелкобуржуазный, «истинный», консервативный и критически-утопический социализм предлагают свои рецепты решения обнажившегося социального конфликта. Пытаясь преодолеть разрыв между идеальными представлениями о справедливости и прозаической реальностью, они пытаются разрешить коллизии буржуазной жизни путем создания умозрительных конструкций. Неудивительно поэтому, что для большинства таких теорий характерны элементы романтизма и утопизма.

Молодой Маркс также стремился первоначально преодолеть «противоположность между действительным и должным»². А для этого необходимо было изучить противоречия реальной действительности и критически проанализировать попытки решения возникших проблем в истории философии, политической экономии и утопического социализма. Высшие достижения предшествующего духовного развития человечества — немецкая классическая философия, английская классическая буржуазная политическая экономия и французский утопический социализм — стали основными источниками марксизма. «Вся гениальность

Маркса,— подчеркивал В. И. Ленин,— состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»³

В середине 40-х — начале 50-х годов К. Маркс начинает осваивать предшествующую ему буржуазную политическую экономию, пытаясь преодолеть ее историческую ограниченность. Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс показывает, что частная собственность — результат отчужденного труда. Причиной отчуждения в свою очередь является стихийно развивающееся общественное разделение труда. Исследование взаимосвязи разделения труда и отношений собственности завершается открытием диалектики производительных сил и отношений общения («Немецкая идеология»). Анализ структуры отношений общения позволяет Марксу выделить из них в 40-е годы производственные отношения. Успеху исследований К. Маркса в немаловажной степени способствовала не только противоположная буржуазной политической экономии классовая позиция (с точки зрения рабочего класса пытались решать проблемы экономической теории и социалисты-рикардианцы), но и совершенная им революция в методе исследования. К. Маркс впервые применяет метод материалистической диалектики в анализе социально-экономических явлений. Это позволяет ему не только дать всестороннюю критику предшествовавшей буржуазной и мелкобуржуазной политической экономии, но и поставить перед собой гигантскую задачу — с позиций рабочего класса создать научную систему категорий и законов капиталистического способа производства. В экономических рукописях 1857—1859 гг. была развита трудовая теория стоимости и создана теория прибавочной стоимости, научно обоснованы материальные предпосылки коммунизма. Разработанная Марксом теория товара и денег была опубликована в 1859 г. в работе «К критике политической экономии». Экономические исследования К. Маркса позволили ему совершить переворот в развитии взглядов на человеческое общество, сформулировать материалистическое понимание истории, которое в свою очередь способствовало дальнейшему углублению анализа политической экономии.

В результате интенсивных занятий К. Маркс к середине 60-х годов заканчивает работу над предварительным (черновым) вариантом всех четырех томов «Капитала». В сентябре 1867 г. вышел I том «Капитала», что имело огромное значение. Именно в этом произведении была глубоко разработана теория прибавочной стоимости, которую

В. И. Ленин назвал краеугольным камнем экономической теории К. Маркса⁴. «Самое лучшее в моей книге,— писал К. Маркс, характеризуя I том,— 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости независимо от ее особых* форм: прибыли, процента, земельной ренты и т. д.»⁵.

Важно подчеркнуть, что в I томе «Капитала» нашел отражение революционный переворот, совершенный К. Марксом в политической экономии, получили яркое и органичное воплощение все составные части марксизма: диалектический и исторический материализм, политическая экономия рабочего класса и научный коммунизм. «Капитал» остался непревзойденным образцом применения диалектического метода к анализу буржуазного способа производства. «Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех,— писал В. И. Ленин,— что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁶. С выходом в свет «Капитала» борьба между буржуазной и пролетарской политической экономией становится главным противоречием всемирной экономической мысли.

Широкому распространению марксизма способствовали изданные Ф. Энгельсом II и III том «Капитала» (1885 и 1894), а также его собственные экономические работы, и прежде всего «Анти-Дюринг» (1877—1878), ставший краткой энциклопедией марксизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничивались исследованием капитализма. На протяжении всей своей жизни они изучали докапиталистические способы производства, высказали ряд глубоких мыслей о будущей коммунистической формации и тем самым заложили основы политической экономии в широком смысле слова.

Созданное К. Марксом и Ф. Энгельсом учение с момента своего возникновения носит революционно-практический характер, оно направлено на коренное изменение мира. Сами основоположники марксизма были активными участниками революции 1848—1849 гг., явились основателями I и II Интернационала, деятельно поддерживали парижских коммунаров. Этим были созданы предпосылки для соединения марксизма с рабочим движением, что делает победу пролетариата в борьбе с буржуазией неизбежной.

Раздел I

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ МАРКСИЗМА

Глава 21

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА 40-х ГОДОВ

Сороковые годы XIX в. являются первым этапом в становлении экономических взглядов К. Маркса (1818—1883) и Ф. Энгельса (1820—1895). Именно в этот период был совершен переход Маркса и Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму, а также созданы основы научного пролетарского мировоззрения. Первоначально критика буржуазной политэкономии находится еще «во власти предпосылок той самой науки, против которой она ведет борьбу»¹. Однако уже в этот период Маркс и Энгельс стремятся преодолеть классовую ограниченность буржуазной экономической науки. Первую попытку в этом направлении сделал Ф. Энгельс.

1. Начало экономических исследований. Работа Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии»

Во время изучения коммерческого дела в Англии Ф. Энгельс начинает серьезно анализировать буржуазную политэкономия. В конце 1843 — январе 1844 г. для «Немецко-французского ежегодника» им были написаны «Наброски к критике политической экономии», оказавшие большое влияние на молодого Маркса. В этом произведении не только рассматривается история политической экономии как «науки обогащения», но и дается анализ основных категорий буржуазной политической экономии: стоимости, издержек производства, земельной ренты, капитала, труда, конкуренции. Ф. Энгельс характеризует раннюю и развитую меркантилистскую систему, показывает, как буржуазные революции XVIII в. способствовали развитию «либеральной политической экономии», лозунгом которой была провозглашена свобода торговли. Ее единственным положительным достижением стала, по мнению Ф. Энгельса, «разработка законов частной собственности». Для новой, либеральной политэкономии, как и старой, меркантилистской, однако, был типичен односторонний анализ этих законов. Вопрос о правомерности частной собственности ею не был даже поставлен². Ближайшим следствием частной собственности буржуазные экономисты считали торговлю, а ее важнейшей категорией — стоимость. Стоимость, по их мнению, выступает в двух аспектах: в виде абстрактной, или реальной, стоимости и меновой стоимости. Критически оценивая споры вокруг реальной стоимости между английскими (Мак-Куллох и Рикардо) и французскими (Сэй) экономистами, Ф. Энгельс дает свое определение стоимости как отношения издержек производства к полезности³. Такое определение свидетельствует о том, что Энгельс еще не в полной мере овладел трудовой теорией стоимости классиков буржуазной политэкономии и не проводил четкого различия между ними и вульгарными экономистами. Хотя Ф. Энгельс критически оценивает попытку буржуазных ученых определить стоимость через издержки производства, а также через каждый из элементов структуры издержек производства (земельную ренту, капитал вместе с доходом, плату за труд), тем не менее он пока еще не

выходит за рамки этих представлений. Правда, Энгельс в отличие от современных ему вульгарных экономистов последовательно показывает, что раскол капитала и труда — прямое следствие существования частной собственности.

Большое место в «Набросках к критике политической экономии» уделено анализу такой главной категории буржуазных экономистов, как конкуренция. Конкуренция, пишет Ф. Энгельс, переходит в монополию, а монополия порождает конкуренцию. Более того, Ф. Энгельс показывает, что «конкуренция уже предполагает монополию, а именно монополию собственности»⁴. Следствием конкуренции является образование избытка населения при избытке богатства. Будучи не в состоянии рационально объяснить этот парадокс капиталистического общества, буржуазная политэкономия выдвинула в качестве оправдания его теорию народонаселения Мальтуса. В работе Ф. Энгельса дается развернутая критика мальтузианской теории народонаселения, доказывающаяся ее фактическая, теоретическая и методологическая несостоятельность⁵.

Ф. Энгельс показывает, что развитие конкуренции способствует усилению торговых кризисов, обострению борьбы между земельной собственностью, капиталом и трудом, создает предпосылки социальной революции. Поэтому через всю работу проходит мысль о возможности и необходимости общества без частной собственности. При устранении частной собственности, считает автор «Набросков к критике политической экономии», исчезнет противоположность интересов, «труд станет своим собственным вознаграждением», возрастет роль науки и «духовного элемента» в производстве. Рассматривая конкуренцию как специфически историческую форму связи «производительной силы» и «потребительной силы», Ф. Энгельс полагает, что в будущем, достойном человека строе «общество должно будет рассчитать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением этой производительной силы к массе потребителей определить, насколько следует повысить или сократить производство, насколько следует допустить или ограничить роскошь»⁶.

Первая политико-экономическая работа Ф. Энгельса свидетельствует о его критическом отношении к буржуазной экономической науке. Он акцентирует внимание на ее противоречиях и антигуманных выводах, критикует ее апологетический характер. Однако сам Энгельс еще находится во власти предпосылок той науки, которую критикует, и в рабочем классе пока видит страдальца, а не борца. Однако более внимательное изучение влияния промышленного переворота на положение рабочего класса позволило Ф. Энгельсу преодолеть ограниченность социалистов-утопистов. Результаты его исследований отразились в ряде статей: «Письма из Вупперталя» (1839), «Положение рабочего класса в Англии» (1842), «Письма из Лондона» (1843), «Положение Англии. Восемнадцатый век» (1844) и др., а также в книге «Положение рабочего класса в Англии» (1844—1845). На большом фактическом материале Ф. Энгельс показывает, что «положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление... современных социальных бедствий»⁷. Работа Ф. Энгельса посвящена анализу экономической истории промышленного переворота. Изучение положения рабочих, условий их существования, влияния урбанизации и иммиграции, анализ отдельных отраслей труда были необходимы для правильного понимания закономерностей рабочего движения, особенностей требований различных отрядов пролетариата. Ф. Энгельс делает вывод о том, что важнейшим условием приближающейся революции является возникновение социалистических и коммунистических идей в среде пролетариата⁸. Хотя книга содержала некоторые ошибки и неточности (о чем Ф. Энгельс напишет позднее в «Приложении к американскому изданию», 1886 г.) *, она сыграла большую роль, так как свидетельствовала о необходимости соединения научного коммунизма с рабочим движением.

2. «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса

Работа в качестве редактора «Рейнской газеты» (1842—1843) заставила К. Маркса более глубоко заняться экономическими вопросами, способствовала переходу от критики

государства и права к критике политической экономии. Уже в процессе анализа гегелевской философии права К. Маркс приходит к пониманию роли пролетариата как общественной силы, способной осуществить коренное переустройство мира и упразднить частную собственность. Это находит выражение в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843—1844), опубликованной в «Немецко-французском ежегоднике». «Духовным оружием» в борьбе с буржуазией, пишет К. Маркс в этой статье, должна стать философия, которая вооружит пролетариат передовой теорией: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹⁰.

Публикация статьи Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» способствовала дальнейшей активизации экономических занятий К. Маркса. Их результаты вскоре нашли свое отражение в дошедших до нас «Экономическо-философских рукописях 1844 года», впервые опубликованных в СССР лишь в 1932 г. Так же как и Ф. Энгельс, К. Маркс анализирует составные элементы издержек производства: заработную плату, прибыль на капитал и земельную ренту. Несмотря на критическое

* В частности, в книге Ф. Энгельса было высказано предположение о близости социальной революции в Англии; коммунизм характеризовался как теория, обосновывающая освобождение не только рабочего класса, но и всего общества в целом (включая класс капиталистов)^ экономический цикл при капитализме исчислялся пятью годами и др.

отношение к буржуазной политэкономии и попытку философски осмыслить ее достоинства и недостатки с позиций революционного гуманизма, К. Маркс в первой части рукописи еще целиком находится во власти воззрений А. Смита, Ж. Б. Сэя и других буржуазных экономистов.

Значительный шаг вперед представляет раздел, в котором К. Маркс пытается охарактеризовать капитал как результат отчужденного труда. В отличие от предшествующей идеалистической философии, рассматривавшей отчуждение в сфере сознания, в процессе духовной или политической деятельности человека, К. Маркс исследует отчуждение прежде всего как экономический акт. Такой методологический подход молодого Маркса придает его критике буржуазной политэкономии принципиально новый масштаб, гуманистическое звучание. Это позволяет ему посягнуть на «святая святых» буржуазной экономической науки — частную собственность. В отличие от буржуазной политэкономии, которая «исходит из факта частной собственности» и не дает ей никакого объяснения¹¹, К. Маркс пытается практически рассмотреть эту предпосылку современной ему буржуазной науки. В качестве отправного пункта своей теоретической системы К. Маркс берет противоположность бедности и богатства в капиталистическом обществе: «...рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит»¹². Характерно, что позднее, в I томе «Капитала», это положение станет не исходным пунктом, а результатом анализа процесса производства капитала, составной частью всеобщего закона капиталистического накопления. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс еще движется от конкретного к абстрактному.

Исходя из противоположности бедности и богатства, К. Маркс рассматривает различные виды отчуждения, существующие при капитализме. Он начинает с отчуждения продукта труда и затем переходит к отчуждению «в самом акте производства, в самой производственной деятельности». Отчуждение труда, с точки зрения К. Маркса, означает, во-первых, что труд для рабочего становится чем-то внешним, в нем он «не утверждает себя, а отрицает». Труд для рабочего «не добровольный, а вынужденный», «принудительный». Он не удовлетворяет «потребность в труде», а является лишь средством для удовлетворения других потребностей. К тому же труд принадлежит не рабочему, а капиталисту, подобно тому как сам рабочий «в процессе труда принадлежит не себе, а другому»¹³.

Следствием отчуждения продукта труда и отчуждения производственной деятельности становится, по мысли К. Маркса, отчуждение родовой сущности человека. В

этот период К. Маркс использует антропологическую терминологию Фейербаха. Однако в отличие от него Маркс видит, что «родовая сущность человека» проявляется прежде всего в практической деятельности, в производстве, «в переработке предметного мира». *«Вся так называемая всемирная история,— пишет К. Маркс,— есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека...»*¹⁴ Поэтому отчуждение родовой сущности означает и отчуждение человека от природы, и отчуждение человека от человека. Таким образом, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс трактует отчуждение труда достаточно широко. Отчуждение является причиной ущербного развития человека, его деградации. К. Маркс показывает, что в буржуазном обществе происходит обезчеловечивание человека, выхолащивание всего человеческого в людях, «потеря человеком самого себя».

Проделанный анализ позволяет К. Марксу сделать вывод о том, что частная собственность является результатом отчужденного труда, что в буржуазном обществе между отчужденным трудом и частной собственностью устанавливаются отношения взаимодействия, каждая из сторон которого поддерживает и укрепляет другую. *«...Частная собственность оказывается, с одной стороны, продуктом отчужденного труда, а с другой стороны, средством его отчуждения, реализацией этого отчуждения»*¹⁵.

С помощью понятий отчужденного труда и частной собственности К. Маркс хотел развить все экономические категории. Однако для этого, по его мнению, необходимо было решить две задачи: во-первых, «определить всеобщую сущность частной собственности, как результата отчужденного труда, в ее отношении к истинно человеческой и социальной собственности» и, во-вторых, рассмотреть вопрос о происхождении отчуждения труда¹⁶.

Для того чтобы определить сущность частной собственности, К. Маркс анализирует диалектическую связь между трудом и капиталом. «Рабочий,— пишет он,— производит капитал, капитал производит рабочего». Поэтому в буржуазном обществе «отношение частной собственности — это труд, капитал и их взаимоотношение»¹⁷. В этой связи в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» дается развернутая критика грубоуравнительного коммунизма, показываются стадии его развития. Дело в том, что наиболее примитивные формы коммунизма такого рода находятся еще «в плену у частной собственности». Его создатели, хотя и провозглашают «общность труда и равенство заработной платы», фактически исходят из представлений об общем, усредненно низком уровне человеческих потребностей и стремятся к перераспределению на уравнительных началах вещественного состава существующей частной собственности¹⁸. Примитивному, грубо-уравнительному коммунизму К. Маркс противопоставляет *«коммунизм как положительное упразднение частной собственности... Такой коммунизм... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»*¹⁹. Коммунизм, по мысли К. Маркса, выступает как уничтожение отчуждения во всех его формах, как утверждение свободного, творческого труда. Таким образом, теория отчуждения позволяет К. Марксу глубже раскрыть гуманистический характер коммунизма.

Решая второй вопрос (о происхождении отчуждения труда), К. Маркс приходит к мысли о том, что разделение труда является экономическим выражением общественного характера труда в рамках отчуждения. Если частная собственность рассматривалась К. Марксом как следствие отчуждения, то отчуждение в свою очередь оказывается следствием разделения труда. Предстояло исследовать общественное разделение труда как первопричину экономических отношений. Такую попытку К. Маркс и Ф. Энгельс предприняли позднее, в I главе «Немецкой идеологии».

3. Начало совместной работы К. Маркса и Ф. Энгельса. «Святое семейство» и «Немецкая идеология»

В августе 1844 г. в Париже произошла историческая встреча К. Маркса и Ф. Энгельса,

которая положила начало их плодотворному творческому сотрудничеству, продолжавшемуся всю последующую жизнь. Первой совместной работой стала книга «Святое семейство, или Критика критической критики», написанная в конце 1844 г. и изданная в 1845 г. Эта книга была направлена против младогегельянцев — братьев Бруно и Эдгара Бауэров и их сторонников, группировавшихся вокруг «Всеобщей литературной газеты». Такая критика стала необходимой в связи с усилением реакционного характера этого течения, рассматривавшего пролетариат как «некритическую массу», неспособную к самостоятельной классовой борьбе против буржуазии. В противоположность младогегельянцам Маркс и Энгельс доказывают, что пролетариат не только освободит себя сам, но и что его освобождение станет предпосылкой освобождения всего общества.

Наибольший интерес с точки зрения истории политической экономии имеет написанный К. Марксом раздел, характеризующий значение книги П. Ж. Прудона «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти», вышедшей в 1840 г. Поводом для ее оценки послужила статья Э. Бауэра «Прудон», опубликованная в V выпуске «Всеобщей литературной газеты» в апреле 1844 г. Работа Прудона произвела на Маркса и Энгельса большое впечатление не только «дерзкой манерой» изложения, но и прежде всего критикой частной собственности. «Все рассуждения политической экономии,— писал К. Маркс, характеризуя буржуазную экономическую науку,— имеют своей предпосылкой *частную собственность*. Эта основная предпосылка принимается ею в качестве непреложного факта, не подвергаемого ею никакому дальнейшему исследованию... Прудон же подвергает основу политической экономии, *частную собственность*, критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершенный им,— прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии» .

Что же привлекало К. Маркса в этой концепции Прудона? В отличие от буржуазных экономистов, принимавших отношения частной собственности за человеческие и разумные, Прудон показывает, что результатом частной собственности является «бесчеловечная действительность». Буржуазные экономисты нападали на какие-либо отдельные формы частной собственности, тем не менее они оправдывали ее в целом. В отличие от них главным фактором, «фальсифицирующим экономические отношения», Прудон считает не тот или иной вид частной собственности, а частную собственность как таковую, «в ее всеобщности»²¹. Такой подход импонировал молодому Марксу, потому что он и сам стремился преодолеть ограниченность буржуазной политэкономии. На это обращает внимание В. И. Ленин, конспектируя «Святое семейство»: «Маркс,— пишет В. И. Ленин,— *защищает* Прудона от критиков «Литературной Газеты», противопоставляя спекуляции свои явно социалистические идеи.

Тон Маркса по отношению к Прудону очень хвалебный (хотя есть небольшие оговорки...).

Маркс подходит здесь от гегелевой философии к социализму: переход наблюдается явственно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей»²²

Действительно, работа «Святое семейство» носит переходный характер. Однако уже в этот период К. Маркс понимает ограниченность подхода Прудона, не сумевшего критически переработать буржуазную экономическую науку. «...Произведение Прудона «Что такое собственность?»,— пишет К. Маркс,— представляет собой критику *политической экономии* с точки зрения политической экономии»²³. Много лет спустя, в 1865 г., К. Маркс еще более критично оценит значение этого произведения. «В строго научной истории политической экономии,— напишет он в письме к И. Б. Швейцеру,— книга эта едва ли заслуживала бы упоминания»²⁴.

Характерно, что уже в 40-е годы, последовательно анализируя буржуазную политэкономия с позиции рабочего класса, К. Маркс идет дальше Прудона. Критику частной собственности он подкрепляет своей теорией отчуждения. К. Маркс вслед за

Прудон не только показывает, что противоположность бедности и богатства является результатом движения частной собственности, но и исследует, как ведут себя стороны этого антагонизма в процессе самого отчуждения. Если класс капиталистов, «имущий... класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным», то рабочий класс «чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным». Поэтому если буржуазия представляет собой «консервативную сторону» этого антагонизма и заинтересована в его сохранении, то пролетариат — «разрушительную», от него исходит действие, «направленное на его уничтожение». К. Маркс обосновывает в «Святом семействе» всемирно-историческую роль пролетариата как класса, призванного уничтожить частную собственность. «Одержав победу,— пишет К. Маркс,— пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность»²⁵. Однако большинство мелкобуржуазных социалистов не понимало всемирно-исторической роли пролетариата. Более того, некоторые из них открыто выступали против революционной борьбы пролетариата. В их числе были так называемые истинные социалисты (И. Вейдемейер, К. Грюн, Г. Кульман, О. Лю-нинг и др.), противопоставлявшие себя «необразованному» английскому и французскому утопическому социализму. Они полагали, что путь к социализму откроют не пролетарии, а аристократы-интеллигенты, способные создать общество согласно человеческой природе, представления о которой они почерпнули из произведений Л. Фейербаха. Критический разбор послегегелевской философии и «истинного социализма» стал поэтому предметом исследования в новой совместной работе К. Маркса и Ф. Энгельса. Они назвали ее «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков». Эта книга, состоящая из двух томов, была написана в 1845—1846 гг., однако опубликовать ее Марксу и Энгельсу в те годы не удалось. Она увидела свет лишь в 1932 г. в СССР.

Задача, которую поставили перед собой авторы книги, состояла в том, чтобы показать связь современной им немецкой философии и «истинного социализма» с реальной немецкой действительностью и раскрыть их мелкобуржуазный характер²⁶. В этом произведении К. Маркс и Ф. Энгельс, полностью преодолев антропологический и идеалистический характер философии Л. Фейербаха, дают развернутое изложение материалистического понимания истории.

К. Маркс и Ф. Энгельс исходят из того, что реальной предпосылкой человеческой истории является существование индивидов, занятых производством необходимых средств жизни. Поэтому они рассматривают в качестве «первичных исторических отношений» производство жизненных средств, порождение новых потребностей, производство людей, размножение. «Производство жизни,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс,— как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством деторождения — выступает сразу же в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения...»²⁷

В основе развития человеческого общества лежит определенный способ производства. Правда, в этот период понятие способа производства трактуется К. Марксом и Ф. Энгельсом еще достаточно широко: как промышленная ступень, как образ жизни и т. д. Тем не менее основой исторического развития и конечной причиной социальных революций Маркс и Энгельс считают противоречие между производительными силами и формой общения²⁹. По существу это означало признание основой исторического развития человечества диалектики производительных сил и производственных отношений. В «Немецкой идеологии» встречается уже и термин «производственные отношения»³⁰, однако чаще понятие «производственные отношения» скрывается за более широкими терминами, такими, как «гражданское общество», «отношения собственности», «отношения общения», «способ общения», «форма общения» и др. «Форма общения,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс,— на

всех существовавших до сих пор исторических ступенях обуславливаемая производительными силами и в свою очередь их обуславливающая, есть *гражданское общество...*»

История рассматривается К. Марксом и Ф. Энгельсом как последовательная смена поколений, каждое из которых «застает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу... которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер»³². Созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом концепция объясняла объективный закономерный характер исторического процесса. В то же время она была далека от фатализма, характеризовала историю как результат деятельности людей. Такой диалектико-материалистический подход к развитию человечества наглядно показывал несостоятельность попыток выведения коммунизма из абстрактно понимаемой, восходящей к Л. Фейербаху, антропологической сущности человека. Сущность эта в действительности оказывалась результатом исторически изменяющихся обстоятельств, всей совокупности общественных отношений. Новый, исторический подход характеризовал коммунизм как закономерный результат развития человечества. Поэтому в первой главе «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс показывают необходимость превращения истории во всемирную историю, ибо такое превращение выступает как материальная предпосылка реального освобождения индивидов.

Выделяя основные ступени развития человеческого общества, К. Маркс и Ф. Энгельс решающее значение придают уровню развития разделения труда, считая, что этот уровень непосредственно отражается в форме собственности. «Различные ступени в развитии разделения труда,— пишут они,— являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»³³. К. Маркс и Ф. Энгельс показывают, что разделение труда сыграло важную роль в развитии племенной, античной и феодальной форм собственности, в генезисе мануфактурного и машинного производства (подробнее см. гл. 29).

В «Немецкой идеологии» понятие «отчуждение» теряет, то универсальное содержание и антропологическую форму, которые оно имело в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Происходит конкретизация понятия «отчуждение» применительно к антагонистическим ступеням развития общественного разделения труда. В качестве предпосылок уничтожения отчуждения Маркс и Энгельс называют, во-первых, превращение большинства человечества в лишенных собственности людей и, во-вторых, такое развитие производительных сил, при котором общение людей приобретает не узкоместный, а универсальный характер. Отсюда, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, вытекает всемирно-исторический масштаб рождающегося коммунизма. «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения»³⁴. Этот вывод получит дальнейшее развитие в «Принципах коммунизма» (1847) Ф. Энгельса.

Понимая под коммунизмом «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»³⁵, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвигают в качестве задачи коммунистов необходимость коренного изменения существующего мира, практические меры, направленные на это изменение.

В «Немецкой идеологии» содержится характеристика коммунизма как коллективистского строя, в котором производители установят подлинный контроль над условиями своего существования. «Только в коллективе,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— существуют для каждого индивида средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков... В условиях действительной коллективности индивиды в своей ассоциации и посредством нее обретают вместе с тем и свободу»³⁶. Гениальный эскиз

коммунистического общества, содержащийся в «Немецкой идеологии», получит свое дальнейшее развитие и обоснование в последующих работах К. Маркса и Ф. Энгельса (подробнее см. гл. 30).

4. «Нищета философии», «Наемный труд и капитал»

Дальнейшим этапом в формировании экономических взглядов К. Маркса стала работа «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона», опубликованная в Париже и Брюсселе в 1847 г. В этой книге нашло отражение разработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическое понимание истории, отразились результаты экономических исследований К. Маркса. С высоты нового учения стал особенно очевидным идеалистический и метафизический характер мелкобуржуазной концепции Прудона.

Книга К. Маркса состоит из двух глав, в первой из которых критикуется теория стоимости Прудона, а во второй — его метод, его «система экономических противоречий». Маркс отмечает, что, отождествляя меновую стоимость с редкостью, а потребительную стоимость — с изобилием, Прудон по существу ставит знак равенства между меновой стоимостью и спросом, с одной стороны, и потребительной стоимостью и предложением — с другой. Не удовлетворяясь этим, он осуществляет подмену терминов, ставя вместо потребительной стоимости полезность, а вместо меновой — «стоимость, определяемую мнением». Таким образом, делает вывод Маркс, вместо действительного противоречия между потребительной и меновой стоимостью у Прудона возникает ложная антиномия между полезностью и мнением, выход из которой он видит в «свободе решения». Пытаясь примирить противоположности, Прудон придумывает «конституированную, или синтетическую, стоимость», посредством которой он пытается создать новый социальный мир. Критикуя Прудона, он опирается на трудовую теорию стоимости Д. Рикардо. Вслед за Рикардо К. Маркс показывает, что при равенстве спроса и предложения «относительная стоимость» определяется количеством общественно необходимого труда, т. е. выражает отношение пропорциональности. У Прудона — наоборот. Для него главное — измерить количество труда, необходимое для производства продукта, и тогда, по его мнению, наступит равновесие спроса и предложения. В буржуазном обществе, отмечает К. Маркс, анархия не только источник бедствий, но и причина прогресса. Возможно поэтому одно из двух: либо мечтать о прежних правильных пропорциях при современных производительных силах и быть по существу реакционером и утопистом, либо стремиться к прогрессу без анархии, что закономерно предполагает отказ от индивидуального обмена³⁷. Концепция Прудона предстает как кричащее противоречие, потому что он полагает, что можно установить пропорциональность обмена, не затрагивая диспропорциональные, анархические, стихийно складывающиеся условия производства товаров. Это означает, что Прудон наивно распространяет на все товары свойство быть деньгами, не создавая для этого никаких объективных предпосылок.

Утопический характер концепции Прудона связан не только с его классовой позицией как выразителя интересов мелкого буржуа, но и с метафизическим и идеалистическим методом исследования.

Отказ от отражения в категориях исторического развития производственных отношений приводит Прудона к тому, что в категориях он видит лишь идеи, мысли, независимые от реальных производственных отношений. У каждой экономической категории, согласно Прудону, имеются хорошая и дурная стороны. Хорошей является та, которая утверждает равенство, дурной — которая ведет к неравенству. Задача состоит в том, считает Прудон, чтобы устранить дурную сторону, оставив хорошую. Однако тем самым, справедливо замечает К. Маркс, Прудон кладет «конец диалектическому движению». Поэтому он никогда не может подняться выше тезиса и антитезиса. Стремление избавиться в теории от «дурных сторон» и тем самым от реальных противоречий реальной жизни приводит Прудона к тому, что в теории воспроизводится лишь идеализированная, очищенная от противоположностей действительность.

Прудон считает, что хорошую сторону изображают экономисты, дурную —

социалисты. Полагая, что он критикует и тех и других, Прудон в действительности стоит ниже их обоих. «Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой»³⁸. Он объективно отражает позицию мелкого буржуа, постоянно колеблющегося между трудом и капиталом.

Критикуя антиномии Прудона (разделение труда и машины, конкуренция и монополия, земельная собственность и земельная рента, стачки и коалиции рабочих), К. Маркс дает собственную позитивную разработку этих вопросов. Здесь получают дальнейшее развитие идеи, сформулированные в «Набросках к критике политической экономии» (о диалектической взаимосвязи конкуренции и монополии), в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и «Немецкой идеологии» (о разделении труда, экономическом применении машин и т. д.). «В практической жизни,— пишет К. Маркс,— мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу»³⁹.

Важное значение для развития собственных взглядов К. Маркса имела критика Прудона по вопросу собственности. Если в «Святом семействе» взгляды К. Маркса еще мало отличались от воззрений Прудона, то здесь мы видим заметный прогресс. К. Маркс занимает уже прямо противоположную позицию. Он считает недопустимым начинать систему экономических отношений с собственности и трактовать ее в отрыве от производственных отношений. «В каждую историческую эпоху,— пишет он,— собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства.

Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию»⁴⁰.

Критикуя взгляды Прудона, К. Маркс показывает роль коалиций рабочих в борьбе с классом капиталистов, необходимость перерастания экономической борьбы в политическую. Если крупная промышленность способствует объединению пролетариата, то конкуренция между пролетариями ослабляет сплоченность их рядов. Поэтому коалиция преследует двойную цель: во-первых, прекратить конкуренцию внутри рабочих и, во-вторых, объединить их в борьбе с капиталистами. Это позволит, по мысли К. Маркса, превратить пролетариат из «класса в себе» в «класс для себя».

Классическим примером анализа вопроса с позиций рабочего класса является «Речь о свободе торговли», произнесенная К. Марксом на публичном собрании Брюссельской демократической ассоциации 9 января 1848 г. К. Маркс показывает, что свобода торговли в современных условиях — «это — свобода для капитала выжимать последние соки из рабочего»⁴¹. Однако в отличие от политики протекционизма, консервировавшей феодальные пережитки, система свободной торговли объективно способствовала в то время ускорению развития капитализма. Тем самым она обостряла антагонизм между пролетариатом и буржуазией, создавая предпосылки для вызревания социальной революции. Поэтому К. Маркс высказывается за свободу торговли.

В декабре 1847 г. в немецком рабочем обществе в Брюсселе К. Маркс прочитал цикл лекций, которые позднее, в апреле 1849 г., были опубликованы им в виде серии статей в «Новой Рейнской газете». Так родилась работа «Наемный труд и капитал». Она свидетельствует о попытке К. Маркса в популярной форме изложить итоги своих экономических исследований перед рабочей аудиторией. О подготовительной работе к этим лекциям позволяет судить дошедшая до нас рукопись К. Маркса «Заработная плата» (1847), в которой содержатся выписки из книг экономистов и их первичная обработка.

Анализируя отношение наемного труда к капиталу, К. Маркс начинает с вопроса, что такое заработная плата и как она определяется. Вслед за буржуазными экономистами К. Маркс характеризует заработную плату как цену определенного товара — труда. Поэтому он

анализирует понятие цены любого товара. Цена товара, считает К. Маркс, может быть сведена к издержкам производства, а они в свою очередь к рабочему времени. Это позволяет Марксу определить заработную плату через цену необходимых жизненных средств. К. Маркс, таким образом, в вопросе о заработной плате уже прочно стоит на позиции, которой сумела достичь в лице своих лучших представителей классическая буржуазная политэкономия. Маркс здесь вплотную подошел к объяснению на основе закона стоимости обмена между трудом и капиталом. Поэтому в вопросе о капитале К. Маркс делает качественный шаг вперед по сравнению не только с классиками буржуазной политэкономии, но и со своими ранними произведениями. Еще недавно Ф. Энгельс в «Набросках к критике политической экономии» и К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» вслед за буржуазными экономистами считали, что капитал — это накопленный труд⁴². Теперь материалистическое понимание истории позволило К. Марксу подойти к капиталу с принципиально иной стороны. Здесь впервые дается определение капитала в качестве буржуазного производственного отношения, производственного отношения буржуазного общества⁴³. К. Маркс не только характеризует капитал как сумму меновых стоимостей, но и объясняет, почему эта сумма становится капиталом. Главной необходимой предпосылкой капитала К. Маркс называет существование наемного труда. «Суть капитала,— пишет он,— заключается... в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости»⁴⁴. Таким образом, капитал и наемный труд взаимно предполагают, взаимно обуславливают и взаимно порождают друг друга. «Поэтому,— делает вывод Маркс,— *увеличение капитала есть увеличение пролетариата*»⁴⁵.

К. Маркс критикует теорию общности интересов капиталиста и рабочего потому, что, хотя условием сносного положения пролетариата и является быстрый рост производительного капитала, тем не менее это означает «рост господства буржуазии над рабочим классом»⁴⁶. К. Маркс специально исследует влияние роста капитала на положение пролетариата. С этой целью он анализирует номинальную и реальную заработную плату, показывает относительный характер роста заработной платы при капитализме, последовательно доказывает, что даже благоприятная для рабочего класса ситуация не уничтожает противоположности интересов наемного труда и капитала. «Если капитал возрастает быстро, заработная плата может повыситься,— пишет К. Маркс,— но несравненно быстрее повышается прибыль капиталиста. Материальное положение рабочего улучшилось, но за счет его общественного положения. Общественная пропасть, отделяющая его от капиталиста, расширилась»⁴⁷. Однако в реальной действительности рост производительного капитала далеко не всегда ведет к увеличению заработной платы. Углубляющееся разделение труда, применение машин способствуют замене квалифицированных рабочих — неквалифицированными, мужчин — женщинами, взрослых — детьми. Все это неизбежно ведет к понижению заработной платы.

К сожалению, публикация лекций К. Маркса оказалась незавершенной в связи с отъездом К. Маркса из Кёльна и с закрытием «Новой Рейнской газеты». Тем не менее работа «Наемный труд и капитал» сыграла важную роль в формировании экономического учения К. Маркса.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 88.
² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 10.
³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 40.
⁴ См. там же. С. 45.
⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277.
⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 139.

Глава 21 (с. 325—342)

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 33.
² См. там же. Т. 1. С. 547, 545.
³ См. там же. С. 552.
⁴ Там же. С. 560.
⁵ См. там же. С. 563—568.
⁶ Там же. С. 562.
⁷ Там же. Т. 2. С. 238.
⁸ См. там же. С. 516.

- ⁹ См. там же. Т. 21. С. 265-266.
¹⁰ Там же. Т. 1. С. 422, 425—428.
¹¹ См. там же. Т. 42. С. 86.
¹² Там же. С. 87.
¹³ См. там же. С. 90—91.
¹⁴ Там же. С. 126.
¹⁵ Там же. С. 97.
¹⁶ См. там же. С. 98.
¹⁷ См. там же. С. 100, 106.
¹⁸ См. там же. С. 114—116.
¹⁹ Там же. С. 116.
²⁰ См. там же. Т. 2. С. 34; Т. 42. С. 97.
²¹ См. там же. Т. 2. С. 35—36.
²² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 29. С. 8.
²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 33.
²⁴ Там же. Т. 16. С. 25.
²⁵ Там же. Т. 2. С. 39.
²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 14, 421.
²⁷ Там же. С. 26.
²⁸ См. там же. С. 15, 26.
²⁹ См. там же. С. 66, 68 и др.
³⁰ См. там же. С. 19, 173, 177, 337.
³¹ Там же. С. 33.
³² Там же. С. 37.
³³ Там же. С. 16.
³⁴ Там же. С. 32—33.
³⁵ Там же. С. 33.
³⁶ Там же. С. 61.
³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 101.
³⁸ Там же. С. 147.
³⁹ Там же. С. 166.
⁴⁰ Там же. С. 168.
⁴¹ Там же. С. 416.
⁴² См. там же. Т. 1. С. 554; Т. 42. С. 60.
⁴³ См. там же. Т. 6. С. 442.
⁴⁴ Там же. С. 443.
⁴⁵ Там же. С. 445.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же. С. 451.

Глава 29

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВЗГЛЯДОВ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА НА ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА

Обоснование исторически преходящего характера капитализма неизбежно предполагало его сравнение с другими способами производства. Поэтому К. Маркс и Ф.

Энгельс на протяжении всей своей научной деятельности анализировали докапиталистические отношения. По мере расширения экономических исследований углублялись критерии выделения основных этапов естественно-исторического развития человечества, менялось число докапиталистических форм производства, их содержательная характеристика и т. д.

Материалистическое понимание истории позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу заложить основы политической экономии добуржуазных способов производства, что нашло свое яркое выражение в работе «К критике политической экономии» и в «Капитале». Однако такое представление о докапиталистических способах производства сложилось далеко не сразу, да и в дальнейшем претерпело некоторые изменения.

1. Докапиталистические формы собственности в работах К. Маркса и Ф. Энгельса 40-х годов

В 40-е годы Маркс и Энгельс выделяют пять ступеней в развитии человеческого общества: «1) «племенную собственность», 2) «античную общинную и государственную собственность», 3) «феодальную или сословную собственность», 4) буржуазную или «чистую частную собственность», 5) «коммунизм»¹. Остановимся на характеристике первых трех ступеней.

Источником взглядов основоположников марксизма являлись произведения буржуазных историков и философов, труды социалистов-утопистов, в частности книга «Изложение учения Сен-Симона», которую опубликовали в начале 30-х годов его ученики Б. Анфантен, С. Базар и др.² Последователи А. Сен-Симона, обосновывая трех-стадийное деление добуржуазной истории, исходили из постепенного смягчения отношений угнетения и эксплуатации человека человеком. В отличие от учеников Сен-Симона Маркс и Энгельс используют в качестве критерия выделения форм собственности такой показатель развития производительных сил, как разделение труда³.

В условиях племенной собственности люди занимаются охотой, рыболовством, скотоводством или земледелием. «На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда. Общественная структура ограничивается поэтому лишь расширением семьи: патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы»⁴. Рабство появляется на этой ступени вследствие войн или меновой торговли.

Вторая (античная) форма собственности образуется путем объединения ряда племен. Центром ее становится город, представляющий ассоциацию свободных граждан, совместно эксплуатирующую рабов. Постепенно возникает и развивается частная собственность, «но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма»⁵. Поэтому античная собственность приходит в упадок по мере укрепления недвижимой частной собственности. Разделение труда в условиях античной формы носит уже более развитый характер: существует разделение труда между городом и деревней, между различными государствами, между городской «промышленностью» и морской торговлей.

Третья (феодальная или сословная) собственность имеет в качестве своего исходного пункта деревню. «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин,— писали Маркс и Энгельс,— давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против поработанного производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства»⁶.

Иерархической структуре феодальной земельной собственности соответствовала феодальная организация ремесла в городах, получившая свое законченное выражение в цеховом строе, в иерархии мастеров, подмастерьев, учеников. Маркс и Энгельс отмечают, что даже в период расцвета феодализма разделение труда не получило в этом обществе значительного развития. «В земледелии оно затруднялось парцеллярной обработкой земли,

наряду с которой возникла домашняя промышленность самих крестьян; в промышленности же, внутри отдельных ремесел, вовсе не существовало разделения труда, а между отдельными ремеслами оно было лишь очень незначительным»⁷.

Таким образом, история докапиталистических форм собственности связывается прежде всего с разделением труда. Разделение труда, по мысли Маркса и Энгельса, становится действительным лишь с разделением материального и духовного труда⁸, которое в свою очередь закрепляется в отделении города от деревни.

Наряду с делением истории по формам собственности классики марксизма используют еще и другую классификацию, впервые предложенную А. Фергюссоном (1723—1816) в его книге «Опыт истории гражданского общества» (1768): дикость, варварство и цивилизация. Поэтому противоположность между городом и деревней связывается и с этой системой категорий. «Противоположность между городом и деревней,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»,— начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени»⁹.

Использование классиками марксизма периодизации Фергюссона отнюдь не случайно. Дело в том, что в ее основе лежали материалистические признаки: развитие форм деятельности (от охоты к скотоводству и далее к земледелию) и развитие частной собственности (отсутствующей на первой стадии, появляющейся на второй и закрепленной законом на третьей). В дальнейшем эта периодизация получила широкое распространение.

Важно обратить внимание на то, что лишь стадия цивилизации связывается с законодательно оформленной частной собственностью. Возникающая на заре цивилизации «противоположность между городом и деревней,— считали Маркс и Энгельс,— может существовать только в рамках частной собственности»¹⁰. Поэтому к варварским народам классики марксизма относили такие, у которых институт частной собственности так и не сложился.

В «Немецкой идеологии» подробно анализируется развитие противоположности между городом и деревней, показывается, как под влиянием разделения труда на смену средневековому цеховому строю приходят мануфактура и машинное производство. Развитие товарно-денежных отношений, становление всемирного рынка разрушают докапиталистические формы, вовлекая «в цивилизацию все, даже самые варварские, нации».

В конце 40-х годов Маркс и Энгельс последовательно связывают историю развития общества с историей борьбы классов («Принципы коммунизма», «Манифест Коммунистической партии», «Крестьянская война в Германии»). «В предшествующие исторические эпохи,— пишут они,— мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия,— целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации»¹². Понятие «класс» в данном контексте употребляется в широком смысле слова. Классами называются и феодальные господа, и вассалы, и цеховые мастера, и подмастерья и др., т. е. самые разные антагонистические группы.

Исследование разнообразных форм социальных противоречий приводит Маркса к выводу о необходимости их систематизации в соответствии с уровнем развития общественного разделения труда. Такую попытку Маркс предпринимает в работе «Монтескье LVI» (1849). Разным этапам развития общественного разделения труда соответствуют, с точки зрения Маркса, различные ступени развития социального антагонизма. «В Египте был труд и разделение труда — и *касты*; в Греции и Риме труд и разделение труда — и *свободные и рабы*; в средние века труд и разделение труда — и *феодалы и крепостные, цехи, сословия* и т. п. В наше время есть труд и разделение труда — и *классы...*»¹³ В работе «Монтескье LVI» понятие «классы» употребляется в другом, более узком значении, а именно для характеристики антагонизма в буржуазном обществе. Такое

словоупотребление не случайно. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс считали, что докапиталистические социальные противоречия были опутаны различными патриархальными, религиозными, политическими отношениями, имели форму личных взаимосвязей. С наступлением эпохи капитализма эти патриархальные черты исчезают¹⁴.

В конце 40-х годов складываются предпосылки для того, чтобы в теоретическом анализе объединить все докапиталистические общества в одну группу — группу форм, предшествующих капиталистическому производству. Такое объединение шло первоначально по линии выявления общих черт, присущих классам в докапиталистическую эпоху. В дальнейшем, однако, центр исследования от различных форм социальных антагонизмов (и лежащих в основе их ступеней развития общественного разделения труда) перемещается к изучению общинных форм.

2. «Формы, предшествующие капиталистическому производству»

В экономической рукописи 1857—1858 гг. К. Маркс рассматривал три ступени развития человеческого общества, которым соответствуют три формы отношений, а именно: 1) личная зависимость, 2) вещная зависимость, 3) свободная индивидуальность¹⁵. В данной классификации Маркс среди многообразных форм производственных отношений выделяет лишь наиболее крупные, основные, характеризующие развитие человеческого общества в целом, что позволяет выявить в этом развитии качественные этапы: докапиталистические отношения, капитализм и коммунизм¹⁶. В рамках первой ступени Маркс выделяет азиатскую, античную и германскую формы собственности, с одной стороны, и «исторические состояния» № I, № II и № III — с другой¹⁷. Изменяются не только число, название, но и содержание каждой из докапиталистических форм. Что же послужило причиной этих изменений?

Главной причиной явилось углубление исследования К. Марксом капиталистических производственных отношений, что позволило уточнить характеристику экономического содержания докапиталистических форм собственности. Это связано и с изучением производственных отношений, сложившихся на Востоке к моменту вторжения европейских держав, а также с анализом состояния и перспектив британского владычества в Индии. Этому способствовали также политические события: обсуждение в английском парламенте деятельности Ост-Индской компании в связи с продлением ее колониального господства в Индии (1853), восстание тайпинов в Китае (1850—1864), Сипай-ское восстание (1857—1859) и др. К тому же для этого складываются и теоретические предпосылки. Изучение в начале 50-х годов работ Ф. Бернье, Р. Джонса, Дж. Кэм-пелла, Т. Рафлса, М. Уилкса и др. приводит классиков марксизма к мысли о существовании особой формы собственности на Востоке. Это получило отражение в переписке Маркса и Энгельса, а также в ряде опубликованных в 50-е годы работ К. Маркса: «Революция в Китае и Европе», «Британское владычество в Индии», «Военный вопрос.— Парламентские дела.— Индия», «Будущие результаты британского владычества в Индии» (1853), «Прокламация Каннинга и вопрос о землевладении в Индии» (1858) и др.

«Бернье совершенно правильно видит,— писал К. Маркс Ф. Энгельсу 2 июня 1853 г.,— что в основе всех явлений на Востоке (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ даже к восточному небу». «Отсутствие частной собственности на землю,— соглашался с ним Ф. Энгельс,— действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности?»¹⁸ Ответ на этот вопрос классики марксизма видели в наличии особой социальной структуры. На Востоке, считали они, существует два основных элемента общественной структуры: прочная самодовлеющая община, в которой ремесло соединено с земледелием, и ассоциированный в государство господствующий класс, который удовлетворяет несложные потребности общин (например, в орошении) и паразитирует на этом общинном базисе¹⁹. Понятие «азиатская форма

собственности» служило для характеристики государственной системы сельских земледельческих общин — экономической основы восточного деспотизма. Термин «азиатский» в данном контексте никогда не имел строго регионального значения и применялся для обозначения универсальной стадии развития человечества. Маркс и Энгельс считали ее распространенной не только на древнем и средневековом Востоке (Индия, Турция, Персия, Китай и т. д.), но и в государствах Африки (Египет), Америки (Мексика, Перу), Европы (этруски и др.) на определенном этапе их развития. Поэтому термин «азиатский» является своего рода иррациональной категорией: обозначая часть, он в то же время характеризует целое. Происхождение термина объясняется, видимо, тем, что на современном Марксу и Энгельсу Востоке они находили остатки этих государственно-общинных форм. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс понимали условность термина и потому сравнительно редко его использовали даже тогда, когда писали о государствах древнего и средневекового Востока, Африки и Америки. Между тем само понятие «система сельских общин» присутствовало всегда, когда К. Маркс и Ф. Энгельс обращались к исследованию социально-экономической структуры восточных обществ.

Исследование восточного общества позволяет увидеть в общине такую социальную форму, с помощью которой можно изучать не только азиатские древности, но и античное общество, и европейский феодализм. Реализацию этого нового подхода К. Маркса мы находим в разделе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс исследует здесь условия и исторический процесс становления капитализма. Исходным пунктом анализа докапиталистических отношений является единство труда с его вещными предпосылками. Выделяются две группы отношений: а) единство индивида и собственности, собственности и труда, б) единство индивида с другими людьми, индивида и общины. В отличие от «Немецкой идеологии», в которой главное внимание было уделено анализу объективных факторов производства — общественному разделению труда и орудиям производства²⁰, в экономической рукописи 1857—1858 гг. в центре исследования находится субъективный фактор — первоначально возникающая общность людей.

Анализ начинается с азиатской формы собственности, причем показывается ее связь с племенной формой. «...В условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности,— пишет Маркс,— фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно...»²¹ Прибавочный труд, или продукт общины, поступает в распоряжение представителей государства (центральной и местной власти), которые не только используют его на личное потребление, но и обеспечивают общие условия воспроизводства (строительство ирригационных каналов, оборонительных и культурных сооружений, создание страхового фонда и т.д.).

В отличие от истории Азии, для которой характерно «своего рода нерасчлененное единство города и деревни», античная история «классической древности» является «историей городов», но «городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...»²². По сравнению с «Немецкой идеологией» К. Маркс уточняет здесь характеристику античной формы собственности как общинной. В частности, он показывает, что членство в общине и собственный труд служат главными условиями частной собственности. Такая форма собственности в качестве своей предпосылки предполагает равенство свободных граждан, их воспроизводство как членов общины. Однако в реальной действительности «это воспроизводство неизбежно является в одно и то же время и производством заново старой формы, и разрушением ее. Например, там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие. Если пытаются устранить это препятствие, то прибегают к колонизации, а колонизация вызывает необходимость в завоевательных войнах. В результате — рабы и т. д., а также, например, увеличение *ager publicus* и, следовательно,

усиление патрициев, являющихся представителями общины, и т. д.

Таким образом, сохранение старой общины включает в себе разрушение тех условий, на которых она покоится, и оно переходит в свою противоположность»²³.

В качестве третьей формы Маркс рассматривает не феодальную форму собственности, как это было в «Немецкой идеологии», а германскую. Такая замена отнюдь не случайна. Дело в том, что в экономической рукописи 1857—1858 гг. в центре внимания Маркса находится не собственность господствующего класса, а собственность непосредственных производителей. Основываясь на исследованиях Б. Г. Нибура, Маркс считает, что в условиях германской формы экономическим целым является уже не община как таковая (как было в условиях азиатской и отчасти античной собственности), а «каждый отдельный дом»²⁴. Поэтому германская форма характеризует, по мысли Маркса, высшую в добуржуазном развитии ступень преодоления естественно сложившейся общности и формирования частного труда и частной собственности.

В первой части раздела «Формы, предшествующие капиталистическому производству» исследуются отношения, характерные для всех докапиталистических форм собственности. И хотя Маркс предпринял это исследование в связи с изучением условий первоначального накопления капитала, в центре его внимания находится не феодализм (как это будет позднее в «Капитале»), а то общее, что типично для всех докапиталистических обществ. Отсюда и название раздела — «Формы, предшествующие капиталистическому производству». В этой связи анализ феодализма (феодальной формы собственности) в 24-й главе I тома «Капитала» выступает как дальнейшая конкретизация исследования, предпринятого в экономической рукописи 1857—1858 гг.

Акцент здесь сделан на анализе экономического содержания отношений собственности, типичных для до-буржуазных обществ, и на формах присвоения природных условий производства. В докапиталистическую эпоху производство протекает при таких предпосылках, которые являются не результатом труда, а даны природой. Важнейшим условием присвоения в докапиталистических обществах является принадлежность непосредственного производителя к трудовому коллективу — общине. Община сама выступает в качестве первой и главной производительной силы общества. Присвоение земельной собственности здесь опосредовано ассоциацией производителей. В этом, по мнению Маркса, состоит одна из важнейших особенностей земельной собственности в добуржуазную эпоху.

В экономической рукописи 1857—1858 гг. К. Маркс исходит из того, что рабство и крепостничество развиваются внутри азиатской, античной и германской форм, т. е. являются не первичными, а производными отношениями²⁵. Поэтому они занимают в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» довольно скромное место.

Экономическая рукопись 1857—1858 гг. знаменует новый шаг и в разработке проблемы генезиса капитализма. К. Маркс здесь пытается подойти к решению проблемы с разных сторон. В частности, он придает большое значение противопоставлению отношений, определяемых природой, общественным отношениям, созданным в ходе исторического развития. «Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой. В тех же формах общества, где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей»²⁶. Анализируя проблемы генезиса капитализма, важное значение Маркс придает и переходу от докапиталистической общности (Gemeinwesen) к гражданскому обществу (Gesellschaft). Об этом он пишет как во введении к экономической рукописи 1857—1858 гг., так и в разделе, посвященном формам, предшествующим капиталистическому производству.

В ходе самого исследования К. Маркс делает вывод о том, что «в качестве необходимого закона этого обмена между капиталом и трудом выступает *отделение собственности от труда*». Именно в такой лаконичной формуле выражается исторический процесс отделения непосредственного производителя от средств производства и жизненных средств, т. е. в какой-то мере и переход от земельной собственности к наемному труду.

К. Маркс подходит к этой проблеме и с другой стороны. В рукописи 1857—1858 гг. есть специальный раздел, который назван К. Марксом «Первоначальное накопление капитала». Рассматривая воспроизводство капитала на своей собственной основе, К. Маркс обнаруживает условия, без которых превращение денег в капитал невозможно. Среди них прежде всего появление работника принципиально нового типа: свободного как личность и свободного от средств производства, которому противостоит капитал, т. е. стоимость, обладающая способностью самовозрастать. Анализ особенностей возникающего от случая к случаю докапиталистического наемного труда приводит Маркса к выводу о том, что, для того чтобы наемный труд стал не спорадическим явлением, а закономерным результатом исторического процесса, необходимо разложение добуржуазных форм собственности. Этот вопрос и рассматривается во второй части «Форм, предшествующих капиталистическому производству».

Особенностью анализа является то, что становление капитализма рассматривается здесь в категориях собственности. Чтобы средства производства противостояли работнику как капитал, он должен лишиться собственности: 1) на сырье, 2) на орудия труда и 3) на жизненные средства. Между тем для докапиталистической эпохи характерны такие отношения (исторические состояния), при которых существует собственность производителя либо на все указанные факторы жизнедеятельности, либо хотя бы на один из них: на землю («историческое состояние № I»), на орудия труда («историческое состояние № II») или хотя бы на жизненные средства («третья возможная фор-

Анализ исторических вариантов на первый взгляд кажется чисто логической конструкцией. Однако это такая конструкция, которая раскрывает логику истории, показывает, какие общества находились дальше от капитализма, а какие подошли ближе к нему, т. е. способствует пониманию закономерностей развития человечества в добуржуазную эпоху. Капитализм предполагает отделение непосредственных производителей от условий их существования, поэтому дальше всего от капитализма находится «историческое состояние № I», для которого типично непосредственное единство человека и природы. Это состояние предполагает естественно возникшую общину, в рамках которой индивид относится к земле как к природному условию производства. «Историческое состояние № I», считает К. Маркс, характеризует наиболее полное единство собственности и труда, при котором земля служит естественной предпосылкой производства, доставляя индивиду сырье, орудия и жизненные средства. Эта форма основывается на общей собственности и сохраняется в той или иной мере в азиатской, античной и германской общине.

«Историческое состояние № II» также предполагает общину, но уже не естественно возникшую, а исторически сложившуюся. К. Маркс относит к такому состоянию средневековый цеховой строй. Этот вторичный коллектив состоит из работников, являющихся собственниками орудий труда. Не природа как таковая, а орудия труда, ремесленный труд (мастерство, граничащее с искусством) составляют основу их собственности.

«Третья возможная форма» предполагает собственность на фонд потребления. Это означает, что жизненные средства имеются еще до завершения процесса производства. Данная форма включает различные состояния: от средневекового подмастерья до римского люмпен-пролетариата времен «Хлеба и зрелищ!».

К. Маркс пишет и о четвертой форме, которую он, однако, не называет «историческим состоянием № IV». Дело в том, что при этой форме сами работники не являются субъектами исторического процесса, а принадлежат к объективным условиям производства, как рабы и крепостные. Генезис капитализма отрицает все эти формы, тем самым разрушая единство непосредственного производителя с природой.

Другой стороной процесса становления капитализма является возникновение буржуазной формы богатства. Развитие товарно-денежных отношений, купеческого и ростовщического капитала способствует накоплению денег. Однако деньги сами по себе не

являются капиталом. Они становятся им лишь при определенных исторических условиях. Поэтому возникает противоречие. К. Маркс приходит к выводу, что становление наемного труда оказывается, с одной стороны, следствием накопления денежного богатства, а с другой — его предпосылкой. Поставленная проблема не получает окончательного решения в экономической рукописи 1857—1858 гг. И это несмотря на то, что Маркс уже вплотную подходит к пониманию механизма и движущих сил процесса отделения собственности от труда и даже приводит Англию XVI—XVIII вв. в качестве исторической иллюстрации²⁸. (В ней легко угадывается набросок будущей 24-й главы I тома «Капитала».) Однако, чтобы этот эскиз превратился в грандиозную картину первоначального накопления капитала, необходимо было сместить акценты, перенести их с капитала как собственности на капитал как производственное отношение. Это уже начинал понимать и сам Маркс. Не случайно поэтому в конце раздела «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Маркс дает определение капитала как производственного отношения²⁹. Такой подход открывал путь для решения поставленной в экономической рукописи 1857—1858 гг. проблемы генезиса капитализма.

3. Анализ добуржуазных способов производства в работе «К критике политической экономии» и в «Капитале»

В предисловии «К критике политической экономии» Маркс дал сжатую, но чрезвычайно емкую характеристику материалистического понимания истории, характеристику, которая подвела итоги предшествующих исследований. Это было новое, более глубокое понимание структуры общества и периодизации истории. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства,— писал Маркс,— можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»³⁰. В основе данной периодизации лежит уже не форма собственности, а способ производства материальной жизни, диалектическое единство производительных сил и производственных отношений.

Начатое в работе «К критике политической экономии» и продолженное в «Капитале» систематическое рассмотрение капиталистического способа производства позволило Марксу более глубоко и всесторонне раскрыть экономические основы добуржуазных способов производства. В «Капитале» мы встречаемся не только с конкретными высказываниями по поводу тех или иных сторон добуржуазных отношений, но и с такими положениями, которые имеют важное методологическое значение для их анализа, в том числе о характере и способе соединения рабочих со средствами производства³¹, форме прибавочного труда, об отношении собственников условий производства к непосредственным производителям³³ и др.

Подчеркивая исторически преходящий характер капиталистического способа производства, К. Маркс в «Капитале» часто показывает его отличия от добуржуазных формаций. «При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства,— пишет Маркс,— превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни»³⁴.

В «Капитале» углубляется представление об экономической основе азиатского способа производства, раскрывается внутренняя структура ремесла и земледелия в индийской общине, показывается, что именно самодовлеющий характер общины — главная причина застойности азиатских обществ³⁵. «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем,— пишет Маркс,— объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»³⁶. В «Капитале» содержится характеристика экономической роли государства в условиях азиатского способа

производства, показывается, что регулирование водоснабжения выступало одной из материальных основ государственной власти, анализируются предпосылки и содержание своеобразной отработочной ренты, существовавшей в форме кооперации в ведомстве общественных работ³⁷. В «Капитале» глубже раскрывается политико-экономическая природа и другой формы ренты, распространенной в условиях азиатского способа производства,— ренты продуктами. Она определяется Марксом как специфическая форма прибавочного продукта, как рента-налог. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена,— пишет К. Маркс в «Капитале»,— то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»³⁸.

В «Капитале» мы находим дальнейшее развитие взглядов на экономический базис античного и феодального способов производства. К. Маркс последовательно проводит мысль о том, что основу и античного, и феодального обществ составляло мелкое индивидуальное производство непосредственных производителей, из которого с течением времени выросли и на котором базировались хозяйства господствующего класса³⁹. Поэтому Маркс делает вывод о том, что «в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов». В «Капитале» дается периодизация развития рабовладельческого хозяйства, определяется понятие «раб», ставится вопрос о его цене в условиях, когда рабовладельческое хозяйство специализируется на производстве товаров.

Деньги, израсходованные рабовладельцем на покупку раба, как и деньги, затраченные за покупку земли, были необходимой, но непроизводительной затратой средств, являющейся вычетом из тех ресурсов, которыми располагал рабовладелец для организации и совершенствования производства. Эти деньги представляли действительный капитал лишь в потенции, лишь «в себе», так как могли быть превращены в капитал посредством перепродажи. Короче говоря, затраты на раба и покупку земли представляли фиктивную капитальную стоимость. «Возьмем, например, рабовладельческое хозяйство,— писал К. Маркс в III томе «Капитала».— Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выжата из него».

Покупка раба, применявшегося для производства товаров, может быть выгодна лишь в том случае, если отвлечение этих денежных средств принесет не меньший доход, чем ростовщический процент с той же суммы денег. Кроме того, владелец раба должен возместить через определенный срок (срок жизни раба) средства, затраченные на его покупку. «При системе рабства,— писал К. Маркс,— работник имеет капитальную стоимость, именно покупную цену. И если его отдают внаем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и, кроме того, возмещать ежегодный износ капитала».

Таким образом, цена раба, который использовался для производства товаров, определяется путем вычитания ростовщического процента из полученной от эксплуатации раба прибыли; иными словами, цена раба определяется капитализацией части прибавочного продукта на основе нормы ростовщического процента.

Раскрытый К. Марксом закон определяет лишь цену рабов, применяющихся производительно; он не мог регулировать цену домашних рабов, труд которых применялся в

сфере обслуживания. «Простые домашние рабы,— писал К. Маркс,— служат ли они для оказания необходимых услуг или только для показной роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги»⁴¹.

В работе «К критике политической экономии» и в «Капитале» содержится ряд глубоких замечаний о развитии товарно-денежных отношений в условиях античной экономики. В то же время эта экономика, по мысли Маркса, продолжала оставаться в своей основе натуральной, что несколько сдерживало рост эксплуатации в античном мире⁴². Характеризуя форму прибавочного труда, Маркс пишет: «При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом»⁴³.

Дальнейшее развитие получает в «Капитале» характеристика феодализма и феодальной формы собственности. «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов,— отмечает К. Маркс,— определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»⁴⁴.

Поскольку в реальном процессе труда непосредственные производители (мелкие крестьяне и независимые ремесленники) были соединены со средствами производства, они, несмотря на эксплуатацию, сохраняли элементы собственности на условия существования. «...Даже крепостные,— пишет К. Маркс,— не только являлись собственниками,— правда, обязанными платить оброк,— небольших участков земли, примыкавших к их дворам, но и совладельцами общинной земли»⁴⁵. Важнейшей чертой «мрачного европейского средневековья» Маркс считает личную зависимость, которая «характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни»⁴⁶.

Исследуя в 47-й главе III тома «Капитала» генезис капиталистической земельной ренты, К. Маркс дает развернутую характеристику отработочной ренты, ренты продуктами и денежной ренты, имеющую большое значение для политической экономии феодализма.

К. Маркс начинает анализ с отработочной ренты, типичной для барщинного хозяйства. Ее предпосылкой является естественная производительность труда. Однако эта возможность превращается в действительность лишь благодаря принуждению, которому подвергаются непосредственные производители. При феодализме господствует натуральное хозяйство, т. е. такое, в котором «условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»⁴⁷. Низкий уровень развития производительных сил, с одной стороны, и неразвитость потребностей господствующего класса — с другой, ставят определенные границы для внеэкономического принуждения, а следовательно, и для роста степени эксплуатации крепостных крестьян. При том примитивном и неразвитом состоянии, которое характерно для системы барщинного хозяйства, традиция играет решающую роль, спасая непосредственных производителей от произвола феодалов. Поэтому не случайно производительность прибавочного труда при отработочной ренте остается величиной постоянной, тогда как производительность необходимого труда растет, т. е. является, по меткому замечанию К. Маркса, величиной переменной. Это создает предпосылки для замены отработочной ренты рентой продуктами, для перехода от барщинного хозяйства к оброчному.

Продуктовая рента предполагает большую самостоятельность непосредственного производителя, его большую ответственность, а следовательно, и более высокую культуру производства. Хотя хозяйство по-прежнему остается натуральным, а прибавочный продукт является результатом «соединенного земледельческо-промышленно-го семейного труда», эта форма дает большой простор для развития производительных сил, способствует дифференциации непосредственных производителей.

Развитие товарного производства, в особенности городского ремесла и торговли,

создает предпосылки для превращения ренты продуктами в денежную ренту. Это означает, что крестьяне платят земельному собственнику не сам продукт, а его денежное выражение, цену продукта. Необходимость реализации произведенного продукта способствует постепенному разрушению той замкнутости, оторванности и отрешенности от остального мира, которая была характерна для предыдущих форм ренты. Поэтому, хотя денежная рента представляет закономерный итог развития предшествующих форм, она одновременно является разложением той формы земельной собственности, на базе которой возникает. Отрицается не только натуральная форма, но и феодальное содержание, так как отношение между крестьянином и земельным собственником принимает вид договорного отношения. Это создает предпосылки для проникновения капитала в сельское хозяйство. В качестве формы, переходной к капитализму, К. Маркс рассматривает издольное хозяйство и показывает значение и ограниченность крестьянской парцеллярной собственности в процессе становления нового экономического строя.

Анализируя формы феодальной ренты, особое внимание К. Маркс уделяет соотношению необходимого и прибавочного труда. При отработочной ренте он отделен во времени и в пространстве, при ренте продуктами и денежной ренте такого отделения не происходит, так как весь труд затрачивается в хозяйстве непосредственного производителя. Делению в этом случае подвергается не труд, а продукт: необходимый остается у крестьянина, прибавочный отдается феодалу либо в натуральной (рента продуктами), либо в денежной (денежная рента) форме. Поэтому К. Маркс рассматривает первую форму ренты как исходную, а вторую и третью — как превращенные.

Дальнейшее развитие по сравнению с экономической рукописью 1857—1858 гг. получает учение о купеческом и ростовщическом капитале, которому в III томе «Капитала» посвящены самостоятельные главы (20-я и 36-я), помещенные в конце соответствующих отделов. Они даны в виде исторических экскурсов, с тем чтобы отличить эти типичные для докапиталистических формаций «допотопные формы капитала» от обособившихся форм промышленного капитала, существующих при капитализме. К. Маркс начинает анализ с купеческого капитала как с исторически древнейшей свободной формы существования капитала. Купеческий капитал расшатывает натуральные основы докапиталистической экономики, выполняя важную функцию по мобилизации денежных средств.

В этом смысле купец, по определению Ф. Энгельса, выступает как «революционирующий элемент»⁴⁸ этого общества, подготовляющий исторические условия становления капитализма. «Однако...— пишет К. Маркс о купеческом капитале,— его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой»⁴⁹. Более того, Маркс даже усиливает это положение, делая вывод о том, что «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»⁵⁰. Поэтому крупнейшие торговые города и народы, пишет К. Маркс, осуществляли главным образом посредническую торговлю, основываясь на варварстве окружающих их цивилизаций. Купить подешевле, продать подороже — в этом заключается вся политическая экономия купеческого капитала.

В 36-й главе III тома «Капитала» К. Маркс показывает условия возникновения, типичные формы и двоякую роль ростовщического капитала в докапиталистических формациях. Для ростовщического капитала характерны две основные формы денежных ссуд: 1) расточительной знати и 2) мелким независимым производителям — крестьянам и ремесленникам. Как и купеческий, ростовщический капитал выполняет и «революционирующую», и консервативную функции. Обладая «способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства... ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния»⁵¹, способствуя его разложению. Поэтому самостоятельное развитие ростовщического капитала, так же как и купеческого, стоит в обратном отношении к генезису капитализма, свидетельствуя о господстве натурального хозяйства в стране. «Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия

капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал».

Проделанный анализ позволяет К. Марксу конкретизировать сформулированное в «Немецкой идеологии» противоречие между городом и деревней. «Если в средние века,— пишет К. Маркс,— деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием города, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством»⁵³.

Важное значение для понимания причин разложения феодализма имеет данный в 24-й главе I тома «Капитала» анализ так называемого первоначального накопления капитала. К. Маркс характеризует его как процесс отделения непосредственных производителей от средств производства и жизненных средств. В отличие от экономической рукописи 1857—1858 гг., где становление капитализма рассматривалось в более широком плане и противопоставлялось всем формам, предшествующим капиталистическому производству, в «Капитале» рассматривается лишь процесс разложения феодализма в Западной Европе. «...Исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих,— пишет К. Маркс,— выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения... Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»⁵⁴. В отличие от буржуазных экономистов, рассматривающих первоначальное накопление прежде всего как накопление денег, развитие торгового и ростовщического капитала, К. Маркс впервые показал, что в основе этого процесса лежит буржуазная аграрная революция, наиболее последовательно проведенная в Англии. Частная собственность на землю формировалась здесь путем конфискации церковных и монастырских владений в ходе реформации католической церкви, захвата государственных и общинных земель, сгона крестьян в процессе огораживания дворянских имений. Возникшие таким образом поместья сдавались в аренду капиталистическим фермерам. Генезис капиталистических фермеров был ускорен «революцией цен», в ходе которой фермер обогащался вдвойне: и за счет наемных рабочих, и за счет лендлорда. В результате «кровавого законодательства» против экспроприированных (конец XV — начало XVIII в.) значительно снизилась заработная плата и произошло удлинение рабочего дня мануфактурных рабочих. Экспроприация большей части сельского и городского населения создала предпосылки для развития внутреннего рынка в мануфактурный период, продолжавшийся в Западной Европе с середины XVI до последней трети XVIII в. Однако лишь в ходе промышленной революции, разрушившей сельские домашние промыслы, была полностью преодолена узость внутреннего рынка, созданы прочные основы для развития капитализма. Важную роль в насильственном разрушении феодальной системы производственных отношений сыграл абсолютизм. Для развития капитализма он использовал не только насилие, но и такие экономические рычаги, как государственные долги, налоги, государственные займы, систему протекционистских мер и т. д.

Генезису капитализма в Западной Европе способствовали и его внешнеэкономическая экспансия, завоевание и ограбление добуржуазных обществ Америки, Азии и Африки. Анализ первоначального накопления капитала позволяет показать переход от феодализма к капитализму в Западной Европе во всей его сложности и противоречивости. В то же время особенности этого перехода на периферии капиталистического мира, в странах, отставших в своем развитии, еще лишь предстояло исследовать. Не были подробно проанализированы в «Капитале» также вопросы, связанные с племенной формой собственности, путями и особенностями ее разложения. Условия для такого анализа стали складываться лишь в 70—80-х годах XIX в.

4. К. Маркс об основных этапах социально-экономического развития человеческого общества в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич»

Работы И. Бахофена, Х. Банкрофта, А. Гак-стгаузена, М. Ковалевского, Г. Маурера, Л. Моргана, Г. Мейна, Дж. Леббока и др. позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу уточнить свои представления о первой ступени развития человеческого общества. Об этом свидетельствуют составленные К. Марксом в 1879—1881 гг. конспекты книг М. Ковалевского, Л. Моргана, Г. Мейна и др.⁵⁵

В феврале 1881 г. В. И. Засулич направила письмо Марксу с просьбой изложить его взгляды на исторические судьбы русской сельской общины в связи с развитием капитализма. Написанный К. Марксом ответ и наброски к нему свидетельствуют о дальнейшем развитии его взглядов на докапиталистические способы производства.

В «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич» К. Маркс определяет основные черты земледельческой общины, отличающие ее от более древних общин (сочетание индивидуального, парцеллярного производства с общей собственностью на землю), и характеризует присущий ей дуализм. В зависимости от исторической среды дуализм земледельческой общины допускает, по мысли К. Маркса, альтернативу: «либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым»⁵⁶.

На первый взгляд здесь сформулирована вполне закономерная альтернатива: в случае победы частной собственности над коллективной (общей) собственностью осуществится переход от доклассового общества к классовому, от первичной формации ко вторичной; в случае победы коллективного начала над частным общество остается в рамках первичной формации. Вывод этот выглядит тем более правильным, что далеко не все народы в силу тех или иных объективных причин сумели перейти к классовому обществу.

Однако мысль К. Маркса не исчерпывается указанным аспектом: она гораздо богаче. Дело в том, что земледельческая община трактуется Марксом не просто как элемент первобытного общества, а как его последняя, завершающая фаза. Это означает, что в земледельческой общине появляются зародыши вторичной формации, в том числе прибавочный продукт. Поэтому усиление коллективного начала и изолированность сельской земледельческой общины К. Маркс связывает в первом и втором набросках ответа на письмо В. И. Засулич не с сохранением первобытного общества, а с возникновением централизованного деспотизма. «Изолированность сельских общин,— пишет Маркс,— отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм не повсюду встречается как имманентная характерная черта последнего из первобытных типов, но повсюду, где он встречается, он всегда воздвигает над общинами централизованный деспотизм»⁵⁷. Таким образом, Маркс уточняет свое понимание первобытной истории и место азиатского способа производства в общем развитии человечества. С одной стороны, Маркс по-прежнему характеризует азиатский способ производства как систему изолированных друг от друга сельских земледельческих общин (называя его централизованным деспотизмом), с другой — он считает возможным поместить земледельческую общину и основанный на ней централизованный деспотизм в качестве завершающего этапа архаической, или первичной, формации. «Земледельческая община,— пишет К. Маркс в третьем наброске ответа на письмо В. И. Засулич,— будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»⁵⁸.

История развития человечества делится К. Марксом на три формации: первичную, основанную на общей собственности (в рамках которой выделяются кровнородственные общины, земледельческие общины и централизованный деспотизм), вторичную, основанную на частной собственности (включает общества, базирующиеся на рабстве, крепостничестве, а также капитализм), и коммунистическую⁵⁹.

Такая классификация всемирно-исторического процесса позволила К. Марксу выявить коренное различие между генезисом капитализма в странах Западной Европы и в России. «В этом, совершающемся на Западе процессе,— писал К. Маркс в письме В. И. Засулич,— дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность*»⁶⁰. Однако Маркс не исключал такую возможность, когда при устранении «тлетворных влияний», разлагающих земледельческую общину, она станет «точкой опоры социального возрождения России»⁶¹. По существу «В набросках ответа на письмо В. И. Засулич» содержатся элементы будущей теории некапиталистического пути развития.

5. Экономические проблемы становления классового общества в работах Ф. Энгельса 70—90-х годов

В 1884 г. вышла в свет работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Поводом к ее созданию послужили исследования Льюиса Генри Моргана (1818—1881), и прежде всего его книга «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877). В предисловии к первому изданию своей книги Ф. Энгельс сформулировал принципиально важный тезис о двух сторонах производства и воспроизводства непосредственной жизни, о диалектике их взаимодействия в рамках первобытного общества. «Согласно материалистическому пониманию,— писал Ф. Энгельс,— определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»⁶². Такой вывод был сделан отнюдь не случайно. Еще в первой главе «Немецкой идеологии» в качестве одной из сторон социальной деятельности наряду с производством жизненных средств и порождением новых потребностей фигурирует производство людей⁶³. Таким образом, тезис о производстве людей как одной из важнейших сторон социальной жизни появился в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса еще в 1845—1846 гг. Однако уровень развития науки в то время не позволял сформулировать это положение более конкретно применительно к раннему этапу развития человечества, фигурирующему в «Немецкой идеологии» под названием «племенная собственность». Лишь в 60—70-е годы для этого были созданы необходимые предпосылки. Еще в статье «Марка» (1882) Ф. Энгельс вполне определенно формулирует две основы первобытной истории: разделение людей по родовому признаку и общую собственность на землю⁶⁴, а в письме к Марксу от 8 декабря 1882 г. даже допускает существование таких этапов в развитии человеческого общества, на которых ведущая роль принадлежала кровным связям⁶⁵.

В главе I «Доисторические ступени культуры» Ф. Энгельс воспроизводит предложенную Морганом классификацию основных этапов развития человечества. Морган развил выдвинутое А. Фергюссоном деление истории на дикость, варварство и цивилизацию путем выделения в рамках первых двух периодов низшей, средней и высшей ступеней развития. В качестве «показателей прогресса» Морган берет различные явления культуры: возникновение членораздельной речи, употребление рыбной пищи, использование огня, изобретение лука и стрел, введение гончарного круга и др.⁶⁶ Энгельс присоединяется к этим критериям в главе I, однако считает необходимым дать обобщающую характеристику периодов. «...Дикость,— пишет он,— период преимущественно присвоения готовых продуктов природы... Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период

овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства»⁶⁷. Период дикости характеризуется Энгельсом как период преимущественно присваивающего хозяйства, варварство и цивилизация — как период производящего хозяйства. Ф. Энгельс указывает, что наряду с прогрессом в производстве средств к жизни, который лежит в основе деления на дикость, варварство и цивилизацию, «происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разграничения периодов»⁶⁸.

Ф. Энгельс высоко оценил открытие Морганом рода как основной ячейки первобытного общества. «Морган доказал,— писал Ф. Энгельс,— что род представляет собой учреждение, общее для всех народов, вплоть до их вступления в эпоху цивилизации и даже еще позднее...»⁶⁹

Еще в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс формулирует принципиально важный вывод о том, что классы возникли двояким путем. Первый путь образования классов Ф. Энгельс связывает с ростом самостоятельности должностных функций руководителей общины, с монополизацией ими их роли в общественной организации труда. Поэтому место в социальной иерархии становится здесь главным признаком образующихся классов, в зависимости от которого человек владеет средствами производства и существования. Второй путь образования классов Ф. Энгельс связывает с разложением традиционной общины и общей собственности на землю и укреплением собственности отдельных семей. Место в социальной иерархии здесь определяется прежде всего размерами частной собственности на средства производства и на полученную в результате войн рабочую силу — рабов⁷⁰.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» получает дальнейшее развитие и конкретизацию сформулированный Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» второй путь образования классов, когда индивидуальная эксплуатация предшествует коллективной, частная собственность складывается раньше государственной. Эта особенность второго пути образования классов и подчеркнута в названии книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Рамки настоящей работы,— пишет Ф. Энгельс,— не позволяют нам подробно рассмотреть институты родового строя, существующие еще поныне у самых различных диких и варварских народов в более или менее чистой форме, или следы этих институтов в древней истории азиатских культурных народов»⁷¹. Поэтому анализ становления государства ограничивается в книге Ф. Энгельса лишь европейским материалом. Он рассматривает три разновидности этого пути разложения родового строя и становления государства: у греков (гл. IV—V), у римлян (гл. VI) и у германцев (гл. VII—VIII).

Развивая идеи Сен-Симона, Энгельс считает, что «рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время»⁷². Поэтому Энгельс показывает роль, которую сыграло рабство в генезисе афинского и римского государств. Такой подход имеет важное методологическое значение и для характеристики социально-экономического строя античного мира. Однако количественные данные, которыми оперирует Ф. Энгельс⁷³, отражали неразвитость тогдашней исторической науки в целом и исторической критики источников в особенности. Многие историки (и Ф. Энгельс в их числе), основываясь на ложных данных Афиняя, резко преувеличивали в то время долю рабов в составе населения греческих государств⁷⁴. Заслугой К. Маркса и Ф. Энгельса было то, что они не упрощали сложную социально-экономическую структуру античного мира, а пытались понять ее как единство многообразного, как диалектическое целое, в котором существовали элементы и феодального общества. «Радуюсь,— писал Энгельс Марксу 22 декабря 1882 г.,— что в отношении истории крепостного права мы «единодушны», как говорят деловые люди. Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю,— в Фессалии, например, это

имело место очень рано»⁷⁵.

Сложная социально-экономическая структура античного мира отражалась и в многообразных формах классовой борьбы: между богатыми и бедными гражданами, полноправными и неполноправными, свободными и рабами и т. д.⁷⁶ Не случайно борьба в античном обществе, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, заканчивается не победой одного какого-либо социально-экономического слоя, а «общей гибелью борющихся классов»⁷⁷. Ф. Энгельс неоднократно обращается к этой проблеме. Более подробно социально-политические и идеологические предпосылки гибели античного общества анализируются им в серии статей о первоначальном христианстве: «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (1882), «Книга откровения» (1883), «К истории первоначального христианства» (1894).

Седьмая и восьмая главы «Происхождения семьи, частной собственности и государства» подводят итоги исследования генезиса феодализма, предпринятого Ф. Энгельсом в начале 80-х годов («К истории древних германцев», «Франкский период», «Марка»). Ф. Энгельс наглядно показывает, что перерастание античного строя в феодальный нельзя свести лишь к смене одной формы эксплуатации другой. В ходе завоевания Западной Римской империи германскими и кельтскими племенами осуществлялся синтез элементов разлагающихся родового и античного обществ. «Между римским колоном и новым крепостным, — писал Ф. Энгельс, — стоял свободный франкский крестьянин»⁷⁸.

Завершая работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Ф. Энгельс в IX главе дает обобщенную характеристику варварства и цивилизации. Он показывает, что производство на ранних ступенях общественного развития было по существу коллективным, распределение прямым и производители сами осуществляли контроль и над производственным процессом, и над его результатами⁷⁹. Рост производительных сил с течением времени проявляется в углублении общественного разделения труда: выделении пастухов, ремесленников, а позднее купцов, способствует подрыву коллективного характера производства и присвоения. Распределение продуктов начинает все в большей степени осуществляться через рынок, частный интерес становится движущей силой цивилизации. В книге Ф. Энгельса последовательно проводится различие между родовым строем и государством, показываются внутренние противоречия цивилизации, разрешение которых возможно лишь на высшей ступени развития, отрицающей и частную собственность, и государство.

Подведем итоги. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на докапиталистические формации развивались в течение всей их научной деятельности. Первоначально они в значительной мере несли отпечаток предшествующей философской, экономической и исторической литературы (выделение трех основных форм эксплуатации, присущих античному миру, европейскому средневековью и новому времени; деление истории человеческого общества на варварство и цивилизацию и т. д.). Лишь в результате формирования материалистического понимания истории и открытия экономического закона движения буржуазного общества был разработан принципиально новый метод анализа докапиталистических форм производства, который был реализован в рукописях К. Маркса 50—60-х годов и в «Капитале». Это позволило не только уточнить этапы развития человеческого общества, выделив в качестве основных эпох «экономической общественной формации» азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства, но и дать более глубокую политико-экономическую трактовку сущности каждого из них, показать роль естественных факторов в развитии производительных сил и производственных отношений, раскрыть экономическое содержание отношений собственности: характер и способ соединения непосредственных производителей со средствами производства, особенности процесса труда и его общественной формы, цель производства и средства ее достижения, соотношение необходимого и прибавочного продукта, методы эксплуатации, закономерности воспроизводства и т. д.

Накопление исторического материала дало возможность К. Марксу и Ф. Энгельсу

уточнить их представления о первой ступени человеческого общества. Более того, оно навело К. Маркса на мысль о целесообразности более глобального деления всемирной истории на три формации: первичную, основанную на общей собственности, вторичную, основанную на частной собственности, и коммунистическую общественную формацию.

К сожалению, богатое наследие основоположников марксизма по проблемам докапиталистических формаций было освоено их учениками и последователями далеко не сразу. Этому препятствовало не только то обстоятельство, что различные положения были высказаны в связи с анализом капиталистической экономики и разбросаны по многочисленным произведениям, но и то, что сами эти произведения публиковались на протяжении почти столетнего периода. «Теории прибавочной стоимости» увидели свет лишь в 1905—1910 гг., «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич» — в 1924 г., «Немецкая идеология» — в 1932 г., «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» — в 1933 г., «Франкский период» — в 1935 г., «К истории древних германцев» — в 1937 г., экономическая рукопись 1857—1858 гг.—в 1939—1941 гг., Марксовы конспекты книг Л. Моргана, М. М. Ковалевского, Дж. Леб-бока, Г. Мейна — в 1946—1972 гг., рукопись 1861 — 1863 гг. (тетради I—V, XV—XXIII) — в 1973—1980 гг.

Несистемное восприятие экономического наследия К. Маркса по проблемам докапиталистических формаций, абсолютизация в разные периоды развития отдельных опубликованных произведений, анализ их в отрыве от других сочинений основоположников марксизма привели к известному упрощению и вульгаризации их взглядов в социал-демократической литературе конца XIX — начала XX в.*, а также в советской экономической литературе 30—50-х годов (о чем будет более подробно рассказано в третьем и четвертом томах «Всемирной истории экономической мысли»).

Публикация экономического наследия К. Маркса и повышение методологической культуры исследований создали в настоящее время предпосылки для более глубокого понимания революционного переворота, осуществленного К. Марксом в процессе создания теории всех способов производства, политической экономии в широком смысле слова.

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 16—18, 64, 72—73.

² См.: Изложение учения Сен-Симона. М., 1961.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 16.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же.

⁸ См. там же. С. 28.

⁹ Там же. С. 47.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ См. там же. С. 49—57; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 428.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 424—425.

¹³ Там же. Т. 6. С. 198.

¹⁴ См. там же. Т. 4. С. 426.

¹⁵ См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 100—101.

¹⁶ Подробнее см.: *Нуреев Р. М.* К. Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности // Вопросы философии. 1983. № 6. С. 3—14.

¹⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 461—472, 487—491.

¹⁸ Там же. Т. 28. С. 215, 221.

¹⁹ См. там же. Т. 9. С. 134; Т. 28. С. 221.

²⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 46—47.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 463—464.

- ²² Там же. С. 470.
- ²³ Там же. С. 483.
- ²⁴ См. там же. С. 471.
- ²⁵ См. там же. С. 482.
- ²⁶ Там же. С. 44.
- ²⁷ Там же. С. 246.
- ²⁸ См. там же. С. 498—499.
- ²⁹ См. там же. С. 506.
- ³⁰ Там же. Т. 13. С. 7.
- ³¹ См. там же. Т. 24. С. 43—44.
- ³² См. там же. Т. 23. С. 228—229.
- ³³ См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 354.
- ³⁴ Там же. Т. 23. С. 89.
- ³⁵ См. там же. С. 369—371.
- ³⁶ Там же. С. 371.
- ³⁷ См. там же. С. 521—523, 345—346.
- ³⁸ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 354; см. также Т. 23. С. 152.
- ³⁹ См. там же. Т. 23. С. 346; Т. 25. Ч. II. С. 371.
- ⁴⁰ Там же. Т. 16. С. 375.
- ⁴¹ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 373,8; Т. 24. С. 544.
- ⁴² См. там же. Т. 13. С. ПО, 111, 115, 127, 138, 143 и др.; Т. 23. С. 143, 147, 151 — 152, 173, 175, 247 и др.
- ⁴³ Там же. Т. 23. С. 550.
- ⁴⁴ Там же. С. 729.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 87.
- ⁴⁷ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 359.
- ⁴⁸ Там же. С. 475.
- ⁴⁹ Там же. Ч. I. С. 359.
- ⁵⁰ Там же. С. 360.
- ⁵¹ Там же. Ч. II. С. 147, 145.
- ⁵² Там же. С. 146.
- ⁵³ Там же. С. 365.
- ⁵⁴ Там же. Т. 23. С. 727.
- ⁵⁵ См. там же. Т. 45. С. 153—444.
- ⁵⁶ Там же. Т. 19. С. 419.
- ⁵⁷ См. там же. С. 414, 405.
- ⁵⁸ Там же. С. 419, 418.
- ⁵⁹ См. там же. С. 413.
- ⁶⁰ Там же. С. 251.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. Т. 21. С. 25—26.
- ⁶³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 26.
- ⁶⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 329.
- ⁶⁵ См. там же. Т. 35. С. 103.
- ⁶⁶ См.: *Морган Л. Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. С. 9—10.
- ⁶⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 33.
- ⁶⁸ Там же. С. 28.
- ⁶⁹ Там же. С. 86.
- ⁷⁰ См. там же. Т. 20. С. 183—186.

⁷¹ Там же. Т. 21. С. 130.

⁷² Там же. С. 175.

⁷³ См. там же. С. 119, 167, прим.

⁷⁴ См.: *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 13—42.

⁷⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 112; Т. 21. С. 66.

⁷⁶ См. там же. Т. 16. С. 375—376; Т. 19. С. 120—121, 311 и др.

⁷⁷ См. там же. Т. 4. С. 424.

⁷⁸ Там же. Т. 21. С. 154.

⁷⁹ См. там же. С. 174.